

ДНЮ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

"Война глазами детей"

Спектакль с таким названием представили горковчанам в канун Дня Великой Победы детские коллективы "Горковские звездочки" и "Дар"

Перед зрителями, пришедшими на спектакль, предстал детский дом, где каждый осиротевший ребенок рассказывал свою страшную историю о войне, которая отняла у них родителей, братьев, сестер, их счастливое детство. Монологи юных актеров были настолько проникновенны, что взрослые не могли сдержать слез.

На сцене была воссоздана скупая атмосфера военного времени, которая внезапно взрывалась оглушительными выстрелами, имитирующими сцены расстрела, а герои спектакля падали один за другим, как белые ангелы, чей свободный полет был прерван безжалостной рукой фашизма.

Музыкальное оформление усиливало трагическое действо, происходящее на сцене. Ребята вжились в роли так, что зрителям казалось, что перед ними действительно дети, прошедшие ужасы войны. Вот девочка, с искалеченными ногами, мечтавшая стать талантливой танцовщицей, расстрелянный мальчик с девятью пулями на теле, брат с сестрой, попавшие под вражеский обстрел, так и не поверившие в смерть матери... И как итог – слова Ф.М. Достоевского о том, что «все царство мировой гармонии не стоит даже одной слезинки замученного ребенка...».

Строки финальной песни «Дети войны» в исполнении Ольги Свиляр и Яны Шкатуляк, зажженные свечи в память о детских жертвах Великой Отечественной войны – так завершается премьера спектакля. И юные артисты берут в руки красные

гвоздики, и устремляются к выходу, оттуда – к памятному обелиску села. Это дань памяти всем, кто погиб, защищая счастливое детство будущих поколений страны.

Екатерина Дити,
Фото автора.

НАЧАЛО НА 6 СТР.

Офицер еще двух наших убил и попытался убежать. Его догнал Володя Балашов. Когда меня награждали, Володе дали орден Отечественной войны...

...9 июня 1946 года показались Мужики. Вместо одного села – уже два. Подъезжаем. На пристани народ, на берегу – много, весь коридор базы забит. Из мужчин вижу дядю Полита и Якова Попова. Они машут мне и показывают в направлении против носа парохода. Вижу, стоит в воде по колено сестра Маша. В руках бурки и смотрит вверх, на палубу. Я стою внизу, на носу, увидела, заплакала, и у меня невольно вышли слезы. Беру чемодан, иду к выходу и тут встречаю Архангельского Василия Алексеевича. Он меня, конечно, не узнал. Я поздоровался, сказал, кто я. Обнялись, у него пошли слезы, у меня тоже. «Еду в Москву к снохе, Тереша. Коля погиб в конце войны». Вот такие дела. Встретил любимого учителя.

Выходили вместе с цыганами, которым часы продал. Они достали две бутылки водки разливной «Степное». Таисья, моя жена, тогда еще девушка, сказала подругам: «Были бы деньги, купила бы этого черного парня». Ей сказали: «Что болтаешь, вон стоит его сестра». Не купила, а живем вместе 33-й год.

Прошли около нашего отцовского дома, который в августе 1940 года, после призыва в армию, я сдал в аренду райфинотделу на 2 года, а вернулся через 6 лет. На второй день после приезда посмотрел, что же осталось в доме. Все исчезло, а ведь

было все, как у доброго хозяина. В кладовке один пустой сундук. На вышке лебединая шкура. Лебеда мы с другом Макаром Поповым когда-то ловили на гнездах. Вот такие дела.

Направлялись мимо отцовского дома к дому сестры. На крыльце вижу сестру с матерью, обнимаю, целую. Затем племянниц, племянника Альберта, и, наконец, появляется старший Василий (сейчас Амур-Вась). Он видел меня с крыши базы. За стол сели из гостей: Яков Попов и Попов Ефим, я, старик. Поговорили о том, о сём. Прочитал похоронную на зятя Серафима Васильевича, мужа сестры. Из содержания похоронки: Артеев С. В. ранен под Москвой, лежал в госпитале под Воронежем. Ранен под Сталинградом, лежал в Астрахани в госпитале. Младший сержант мотострелковой дивизии погиб смертью храбрых под Курской дугой.

Несладко им жилось в войну. Все делали женщины, ловили рыбу, куропатку, занимались полеводством. Четверо детей: Василий 1933 г. р., Матрена 1937 г. р., Тамара 1939 г. р., Альберт 1941 г. р. Получали хлеба по 400 грамм. Такая же норма у нашей матери Калерии Семеновны. А сестра Маша на этот момент осталась без хлебной карточки. Лишили, потому что самовольно увозила в Салехард Альберта и мать. Альберт заболел, а мать ослепла. От меня спасибо сестре, что она вылечила мать и маленького сына. И вот всего на 6 человек 2 килограмма хлеба, больше ничего. Спрашиваю сестру: «Как же, чем питались?» Она отвечает: «Немного молока и вот, смотри, жернова. Из овса делали муку, стряпали блины». Этим угощали. Сказал ей, что

вот я приехал, чем могу – помогу. Я на завтра взял продовольственную карточку (на месяц 700 грамм), но кроме хлеба черного, да еще сырого, ничего не было. Не было еще завоза продуктов. Пришлось искать какой-то выход. В первую очередь обошел все дома: везде видел слезы жен и матерей погибших воинов. Только мать Тита сказала, что Тит живой...

Я год после возвращения жил с матерью у сестры. В 1947 году зав. базой Воронин весной решил уезжать, т. е. дом мой освобождался. Нужно думать о женитьбе. Нашел девушку Таисию Максимовну, она работала в колхозе счетоводом. Сделал предложение и 7 июня 1947 года женился. Интересно вот что, когда меня спросили, в какой одежде ей идти, сказал: согласен на любую. Ее одели в зырянскую. В день свадьбы впереди меня шли дружки Чупров Михаил и Василий Артеев. Один нес хлеб, а второй икону, остальные гуськом по тротуару за нами.

Для того чтобы сделать свадьбу, я купил разливное вино «Степное» на пароходе 10 литров и еще сделали брагу без сахара, сахар привезли в рыбкооп в день свадьбы за 10 часов до засыпки, и люди не так пьянели, как от бражки. За отца сидел у Таисии кузнец Федор Миронович. Свадьба прошла нормально. Но после свадьбы осталась у нас одна карточка матери – 400 грамм на троих. Мы взяли мукой. Я достал карточку у лекаря Малькова на 10 дней и талоны у рыбкоопа на мешок муки.

По материалам
«Книги памяти Шурьшикарского района»
подготовил Вениамин Горяев.